

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора психологических наук Соколовой Елены Евгеньевны
на тему «Становление и пути развития психологии деятельности
(школа А.Н. Леонтьева)»
по специальности 19.00.01. – Общая психология, психология личности,
история психологии

В.П. Зинченко однажды заметил, что психология, по мнению А.Н. Леонтьева, должна расти «не в куст, а в ствол». Как бы там ни было, но, по факту, ствол психологической теории деятельности со временем оброс мощной кроной, некоторые ветви которой напоминают самостоятельные стволы. Не станем перечислять направлений и имен. А объяснение этого следует искать не в стволе, а в корнях. В самом *способе мышления*, который характеризует теорию деятельности. Анализ этого способа проделан в фундаментальном историко-теоретическом исследовании Е.Е. Соколовой, в поисках которой прорывается немыслимый, по нынешним временам, энциклопедизм.

Концепция А.Н. Леонтьева порой банализировалась, сводясь к набору самоочевидных положений в соответствии с уровнем доступности интерпретаторам. Но тексты Леонтьева устроены сложно и «хитро». Некоторые основания ходов мысли не были эксплицированы даже для самого автора (что естественно для мышления). В ряде случаев Алексей Николаевич мыслил не «предложениями», а «словосочетаниями» и даже «словами». Возьмем, к примеру, известное положение о взаимоотношении индивидуальной деятельности и родовой: первая должна быть *адекватной*, но *не тождественной* второй. Леонтьев говорит ведь не о том, что одну деятельность нельзя понимать как простую кальку с другой. В несовпадении «адекватности» и «нетождественности» коренится главная проблема, которую А.Н. Леонтьев поставил в книге «Деятельность. Сознание. Личность», - *проблема развития деятельности*. Она была по-разному подхвачена такими психологами, как В.В. Давыдов, А.Г. Асмолов, В.А.

Петровский и др., предложившими свои варианты ее решения. Ситуативный, хотя всегда закономерный, «сдвиг мотива на цель» (а это – один из ключевых механизмов развития деятельности) может произвести «революцию» в индивидуальном сознании, радикально, порой необратимо, изменив способ отношения человека к миру и самому себя.

И тут очень важно заметить, что Е.Е. Соколова исследует не «эволюцию парадигмы», а историческую логику «развития деятельности» по построению теории деятельности - *ab ovo usque ad mala*, теории, которая и поныне пребывает в процессе сборки.

В работе Е.Е. Соколовой представлен образ этого развивающегося целого с охватом источников его развития, включая неявные. При всей своей жестко выдерживаемой автором цельности, исследование развернуто в широчайшей исторической перспективе с осмыслением каждого фрагмента представленной генетической панорамы. В работе нет «нестреляющих ружей». Поэтому охватить все значимые нюансы (а значимы они все) в формате отзыва на диссертацию не представляется возможным. Поэтому ограничусь самым, на мой взгляд, важным.

Диссертант убеждает читателя, что ключ к своеобразию методологии «неклассической психологии», каковой являются культурно-историческая и теоретико-деятельностная психология, следует искать в классически-диалектической философии – традиции теоретизирования, укорененной в философии Спинозы. Как писал Гегель, «спинозизм – это начало всякого философствования», историческое и логическое начало. Даже Фихте выдающийся философ-спинозист XX века Э.В. Ильенков называл «Спинозой наоборот». «Неявный спинозизм» А.Н. Леонтьева – один из интереснейших сюжетов диссертации Е.Е. Соколовой. К слову, Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева связывала дружба – но не только дружба, но и совместные размышления над проблемами теоретической психологии. Их следы нетрудно обнаружить в опубликованных текстах обоих авторов, хотя многое осталось в разговорах, которые мы никогда не услышим. И К. Маркс

был значим для них настолько, насколько являлся Спинозистом (для Ильенкова – еще и гегельянцем).

Начало и идеал научной психологии Л.С. Выготский усматривал в Спинозизме (соответственно, в марксизме) – единственное, что могло быть противопоставлено в его науке, как и в философии картезианству, не только ныне здравствующему, но в чем-то переживающему второе рождение в 21 веке. Хотя картезианство почilo век назад вместе с... философией Бергсона. Прав А.М. Пятигорский: бергсонизм – «конец» нововременной европейской философии, в том смысле, что она является суммацией всех тех тупиков, в которые ее завел Декарт. С этой точки зрения, характеристика Пятигорским бергсонизма как возвращения к картезианству – продолжавшегося и после, но именно через Бергсона, в философии второй половины 20 века, абсолютно справедлива.

Впрочем, у Бергсона могла быть надежда выйти из картезианских тупиков. Она – в этой знаменитой формуле: «Наш ум – это металл, извлеченный из формы, а форма – это наши действия». Но, похоже, эта форма оказалась в бергсоновском толковании узковатой для того, чтобы из нее можно было бы извлечь такой металл. Мысль у Бергсона напоминает беззвучную, задыхающуюся «спинозистскую» песню, которой «наступили на горло», обездвижив речевой аппарат.

Во всех своих теоретико-психологических текстах Л.С. Выготский в той или иной форме боролся с картезианством, одерживал победы, но просто не успел создать спинозистской психологии. Борьбу на смежном физиологическом, психофизиологическом «фронте» позже вел Н.А. Бернштейн, который «сражался» отнюдь не с И.П. Павловым (не уставая подчеркивать его величие в качестве физиолога), а тем способом мышления, который лежал в основе его теории, прямо характеризуя его как картезианский.

Две версии монистической спинозистской психологии – и это их сближает, при всех различиях – создали А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн.

Е.Е. Соколова приходит именно к этому принципиальному выводу и дает его убедительную аргументацию.

В работе воссоздаются основания, опираясь на которые, А.Н. Леонтьев трактовал деятельность как *субстанцию* психического. И, тем самым, доказываемая обоснованность упреков А.Н. Леонтьева в «деятельностном редукционизме», за которыми стоит традиционное понимание субстанции. В отличие от Спинозовского – субстанции как *causa sui*, причины самой себя. При этом критики приравнивают деятельность к «объектно-вещной активности» (по терминологии Г.С. Батищева), к «функции-отправлению», не усматривая в ней самодетерминированного и самодвижущегося целого, внутри которого и исторически, онтогенетически и даже функциогенетически конструируется *специфически человеческое в человеке*. В мире человеке, конечно же, человеческое все – но что-то является данностью, а что-то заданностью, задачей, которую может решить только он сам. Собственными силами - в содействии с другими людьми, силами, которым еще только предстоит стать, по выражению Маркса, «сущностными», родовыми, а значит, по определению свободными. Ценой *особых усилий* со стороны тех, кто этими силами овладевает. Именно об индивидуальных усилиях по овладению родовыми, сущностными силами средствами деятельности – вся теория А.Н. Леонтьева.

Работа Е.Е. Соколовой – блестящий образец современного теоретико-психологического исследования. Наряду с вышесказанным, повод для такой оценки дает следующее.

Автор занимает, на наш взгляд, адекватную позицию в дискуссии о соотношении культурно-исторической теории Л.С. Выготского и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. Их преемственность представлена в развитии, что предполагает «сохранность» диалектических противоречий, а, следовательно, не закрывает возможностей дальнейшего продуктивного движения в дискуссионном поле.

Например, смысловое строение сознание у Выготского приобретает у А.Н. Леонтьева вид смысловых «следов» деятельности, что позволяет по-особому структурировать это строение. Е.Е. Соколова абсолютно справедливо называет теорию А.Н. Леонтьева «деятельностно-смысловой». Это указывает на ее своеобразие, позволяя четко и недвусмысленно выделить ее в ряду других (в том числе, «дочерних») версий деятельностного подхода.

По А.Н. Леонтьеву, психика – не просто «образ», а всегда «смыслообраз» (термин Я.Л. Голосовкера) мира, без которого «образ мира» останется осколочным. А индивидуальная деятельность – инструмент поиска и производства смысла для того, чтобы внести его в то, что уже наделено значением в процессе исторического развития родовой деятельности. «Смыслопроизводство» всегда актуализирует результаты деятельности «со значением». Но ведь ее порождение - культура - это не только то, что «общезначимо», но делает каждого из людей заочно небезразличными друг другу. Отсюда – и культурная объективация смыслов, а не только значений. А.Н. Леонтьев даже называл сферу деятельности, в котором смыслы объективируются (достраиваясь!) и транслируются от поколения в поколение. Это – искусство, с анализа которого Л.С. Выготский совсем неслучайно начал строительство своей «неклассической» - объективной психологии, проникая в тайны рождения предельно «субъективного», самого интимного – человеческого переживания.

Так и А.Н. Леонтьев не сводит личность к «системе деятельностей», а через деятельность расширяет границы личностного мира до масштабов большого человеческого, без утраты его глубинной самобытности. Более того, как и у Выготского - это движение от «вершинной психологии» к «глубинной», не фрейдовского типа.

Отсюда – необходимость в «системном», по выражению Е.Е. Соколовой, монизме. Монизм – вопрос об истине, которая «всегда конкретна» (по автору – «системна»), а плюрализм – вопрос о мнениях. Их широчайшая панорама также представлена в работе.

Интереснейшим образом в работе раскрывается взаимоотношение теории деятельности А.Н. Леонтьева с другими попытками строить на базе этого понятия психологические концепции, которые принадлежат С.Л. Рубинштейну, П.Я. Гальперину, Д.Б. Эльконину и др. На этом фоне вклад этих авторов в, несомненно, «общее дело» (при всех, порой острейших, дискуссиях, которые велись ими друг с другом) становится значительно более рельефным.

Единственное замечание. Цитирую вывод 4: «Все основные положения деятельностного подхода, возникшие в результате решения представителями школы А.Н. Леонтьева философских проблем и психологических задач в контексте развития как отечественной, так и мировой психологии, были теоретически прописаны и получили определенные эмпирические и практические подтверждения уже на самом раннем этапе существования указанной школы, а именно в харьковский период, а не в более позднее время, как зачастую представляется критикам школы. Именно в 1930-е годы в школе А.Н. Леонтьева было уже теоретически и экспериментально разработано представление о «вертикальной» и «горизонтальной» структурах деятельности».

С последним утверждением можно отчасти согласиться. Но ведь понятие «деятельности» прошло длительный исторический путь, прежде чем его освоила даже советская философия. Его подлинный классически-диалектический смысл был реконструирован ею лишь в 50-60-е гг. Я имею в виду поздние работы С.Л. Рубинштейна и новой на тот момент генерации философов – прежде всего, Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева, Ю.М. Бородая, В.А. Лекторского и др. Могли быть в 30-е гг. «теоретически прописаны все основные положения деятельностного подхода», если даже речь об одной из его версий?

Содержание диссертации Е.Е. Соколовой соответствует паспорту специальности 19.00.01. – «Общая психология, психология личности, история психологии» (по психологическим наукам), а также критериям,

определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Соколова Елена Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии».

Официальный оппонент:

доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник лаборатории
культурно-исторических моделей образования
Института среднего профессионального
образования им. К.Д. Ушинского ГАО ВО
«Московский городской педагогический
университет»

КУДРЯВЦЕВ Владимир Товиевич

07.06.2021

Контактные данные:

тел. 8 905 575 95 72, e-mail: vtkud@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Адрес места работы:

115230, Москва, Варшавское шоссе, дом 44А

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы, «Московский городской педагогический университет», Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского

Тел.: 8 (495) 351-44-10; e-mail: ispo.info@mgpu.ru

Подпись сотрудника

ГАО ВО МГПУ

В.Т. Кудрявцева удостоверяю: